

Внезапная ветка что есть силы полоснула по щеке. Остается крик багровый след.

– Что здесь смешного?

– Твоя головокружительная ловкость.

И заливаются как дитя. Дурочка... Да и сам хорошо. Чем дальше в чащу нацелишься, тем быстрее по морде заработкаешь. Так и не уяснил?.. А всё тянется.

...
Вот, наконец, и просека. Встречный ветер взрывает песочные волосы, круглит штормовку, выдувает слезу.

– Главное, не плакать, – говорит она.

– Да, – отвечаю, – это главное.

...
«Дым сигарет с ментолом» из дребезжащих динамиков. Изрядно потрёпанные алкоголем кавалеры, постбальзаковские жизнерадостные тёти. Ау, советская юность! Комсомол умер. Да здравствует комсомол!

– Куда мы попали?.. – риторически вопрошает она.

– На межсезонный курорт областного значения, отданный на милость отставникам и льготникам. Даже и не знаю, что шикарней: время года или место действия.

– Ты и в шутках столь же ловок...

– При чём тут шутки?

Каштановым конвоем

Окружено окно,

И вся земля запоем

Пьёт красное вино.

Мой голубой автобус

Уходит на бульвар.

Как мне понятна робость

Его туманных фар!

Он весь, как на эстраде,

Под рыжей баухромой.

И люди в листопаде

Не ходят по прямой.

От парка и до парка

Он ветрами несом.

И осень, как овчарка,

Бежит за колесом.

– Здорово, да?

– Приятно общаться с образованной девушкой...

...
Деревья ржавеют на глазах.

Погода портится. Густая дымка наползает на корпуса.

– Мы словно ускользаем из силков жизни.

– Я давно хотел этого.

Мы ёжимся, дышим на руки, напяливаем вязаные шапочки. Уходим к свинцовому полной облаков реке. Молчим, глядя на другой берег.

– Там сплошной туман, – говорит она.

– А что же там ещё может быть?

– Отвечаю, – что ещё?

...
Видавший виды номер с потрескавшимся зеркалом. Холодильник «Полюс», телевизор «Рекорд», громкоговоритель «Нейва». Пронзительно розовый торшерный абажур. Сломанная щеколда на балконной двери.

...
Из коридора осторожно стучат. Это она. С неизменной сумочкой: зубная щётка, паста, косметика утром должны быть наготове. Блажен, кто помнит о завтра! Мне этого не дано.

...
– Если бы я писала книжку, то всё бы там происходило только в настоящем времени. Без прошлого и будущего не было бы ни печали, ни тревоги. Только со-

бытия или их отсутствие. И в том и в другом можно раствориться без остатка.

– Печали и тревоги – растворитель покруче.

– Это не растворитель. Это яд.

...
Она исчезает ещё затемно. Видимся мы уже после процедуры. Топаем к минеральному источнику. Вода странная, непривычная, невкусная. Ничего общего с бутылкой. Настоящее нёба не ласкает.

...
– До революции...

– Семнадцатого года?

– Мне долго грезилось, – говорит она, – что вслед за каким-то событием в жизни всё вдруг совершенно преобразится. Засветится, засверкает, оживёт. Нужно только угадать это событие и делать всё, чтобы оно сбылось по-быстрее. И намечала это заветное. И приближала его как могла. И это происходило. Но ни фейерверка, ни счастья, ни чуда не случалось.

После рубежа всё текло, как текло.

Только больше внутри недоумения

и пустоты становилось. Но я убеждала себя, что опять не угадала.

И нацеливалась на следующую

– Это только кажется. Оно, тупоголовое, всегда идёт напрямик, насквозь, через любые дебри.

...
– Безжалостный шарко. Праздник сосудов. Утренний оптимизм.

Пышнотельные дамы в ярких трико.

Не высавшиеся рассеянные медсёстры. Последние врачебные каракули в мяты санкуркнике.

Зябкое нерешительное солнце. Тишина.

...
Когда что-то утрачивается – видится иным. Щербатые дорожки, пыльноглазые фонари, обло-

Я стремительно проваливаюсь в сон. И мне снится, как я вхожу в одну из столичных журнальных редакций, вручаю шапочко знакомому завотделом ворох своих рифмованных опусов. Он берёт первый лист и прямо при мне читает с середины:

В траву санаторскую лягу,

сосёнки вихрами качнут,

и грифель вспомянет бумагу,

на фигу, на фугу, на сагу

готовый за пряник и кнут.

Питаясь раззором природы,

светло жировать воровски

по осени падким на оды,

где тучи и медные воды –

и всё – серебром на виски.

И всё не хватает альвеол.

И всё в воздухах недобор.

Шум с уличных танцев повеял,

во что-то щенячье поверил

хороший уже балабол.

Мала ему поздняя лихость

листвы на вольготной оси:

всё здравствовать целясь

и силясь –

хоть навзничь, хоть накось, хоть

сикось...

Но выкуси, а не вкуси.

Сбываются жить на ущербе,

в пейзаже своём обложном

торчать на обочином щебне,

в лесные прогалы и щели

входя за воздушным ножом.

И вкус круговой недостачи

катать, как орешек во рту,

все бабы измени и плачи

и старенькой песни горячей

обрывки имя в виду.

Да, это жизненно, достоверно, прочувствованно. Совершенно адекватно реальности. Этим и ценено. Беру.

Я с тоской смотрю на него и молчу. Не наблюдала ответной радости, он повторяет внятно и громко – как глухому: «Беру».

В конце сна я узнаю, что редактора снимают. Ничего не поделать: все мы в списке на вылет. И сожаление в этом плане не контактич.

А потом доходит, что опуса моего никто и не думает печатать. Я тоже убеждён, что правильнее скомкать эту убогую многословную бумаженцию и спалить синим пламенем над белёсой головой одной женщины. И будет ей это и нечаянной радостью, и поздним фейерверком. Ей это очень нужно. А то она завтра уезжает. Далеко-далеко. Без дураков...

А что до последних – не обойтись им без манского вороха горных своих претензий. Им ехать незачем. Им везде место.

ОБ АВТОРЕ. Сергей Попов окончил Воронежский медицинский институт и Литературный институт им. А.М.Горького. Доктор медицинских наук, профессор кафедры инструментальных методов диагностики Института дополнительного профессионального образования Воронежской ГМА им. Н.Н.Бурденко. Победитель VIII Всероссийского конкурса «Лучший врач года» в номинации «Лучший врач-исследователь». Автор 9 книг стихов и прозы. Неоднократный победитель всероссийских и международных литературных конкурсов.

На литературный конкурс

Сергей ПОПОВ

Санаторий. Картинки межсезонья



– А у нас за пазухой другие имеются?

– ...здесь было имение генерала. В оранжереях розы выращивали. Они на парижских выставках призы брали.

– А потом?

– А потом как водится. Что-то спалили, что-то растащили, что-то затоптали. Да и рукой махнули. И прежняя жизнь закончилась.

– А новая не началась.

– ...
– Здесь как во сне. Может быть, потому что всю дорогу – туман. Всё невидимо, и существует ли вообще – большой вопрос. И порой кажется, что это не так уж и важно. Важно, что существуют сны.

– Жизнь держится паузами. Понимаешь, о чём я говорю?

– Мы об этом только и говорим.

– Так давай об этом и помолчим. Пусть будет пауза. Иначе всё рухнет.

– ...
– Ты опять демонстрируешь потрясающую грацию, а в преодолении пересечённой местности – и редкостные навыки атравматично-го прохождения подлеска.

– Это далеко не полный список моих талантов.

– Чем же его ещё можно продолжить?

– Желанием устраивать праздники.

– Так в чём же дело?

...

веху, которая уж точно не подведёт... Но подводила и она. Ни молнии, ни радуги, ни какой другой подсветки. Наверно, небесного электричества на меня не хватило.

– В таком случае остаётся упасть на земное. Айда на танцы!

– Не хочу. Довольно упований.

Изделия гремят «Я вижу тебя». Электрические звуки пронизывают темноту, выбириуют, искрят. Брют бесцеремонно царапает нёбо. Колючий холодок настойчиво забирается под свитер.

– ...
– Как это теперь принято называть? Вызовы? Ну да. Несмолкающие батареи проблем. Мы так привыкли жить под их постоянным обстрелом, что оказавшись в укрытии – вроде этой багадельни – чувствуешь себя не в себе. Если воинственные печали не накрывают тебя с головой – это уже вроде и не жизнь... Кровь прохладной кажется.

– Нужно радоваться радостям, а не печалиться печалиям.

– Я учусь. Но ученица из меня скверная.

– ...
– Кажется, что время идёт где-то там, далеко за тёмным лесом. Спешит по иным дорогам и бездорожьям. А про эти дебри и позабыло. И тут всё как жило, так и живёт. И мы – пока здесь – тоже здешней жизнью пробавляемся. И тем защищены.

женные кирпичами клумбы. Всё вроде такое же, как и вчера. Но и другое. Потому что завтра этого уже не будет. Перспектива потери расширяет восприятие. А может, деформирует. А может, выпрямляет. Наверняка – не уяснить. Ведь потом с почтительной временной дистанцией всё увидится каким-то совсем уж инакрасочным.

– ...
– Нет, ребята, отходняк не запланирован. Уж, извиняйте.

Соседи журят. Говорят, что выпадаю из контекста. Конечно. Я здесь именно за этим.

– ...
– Как быстро всё кончается, – говорит она и смотрит в окно, – во сколько завтра мой автобус?

– ...
– Ничто никогда не кончается.

Это только кажется, что заканчиваешь жить одним и начинаешь –